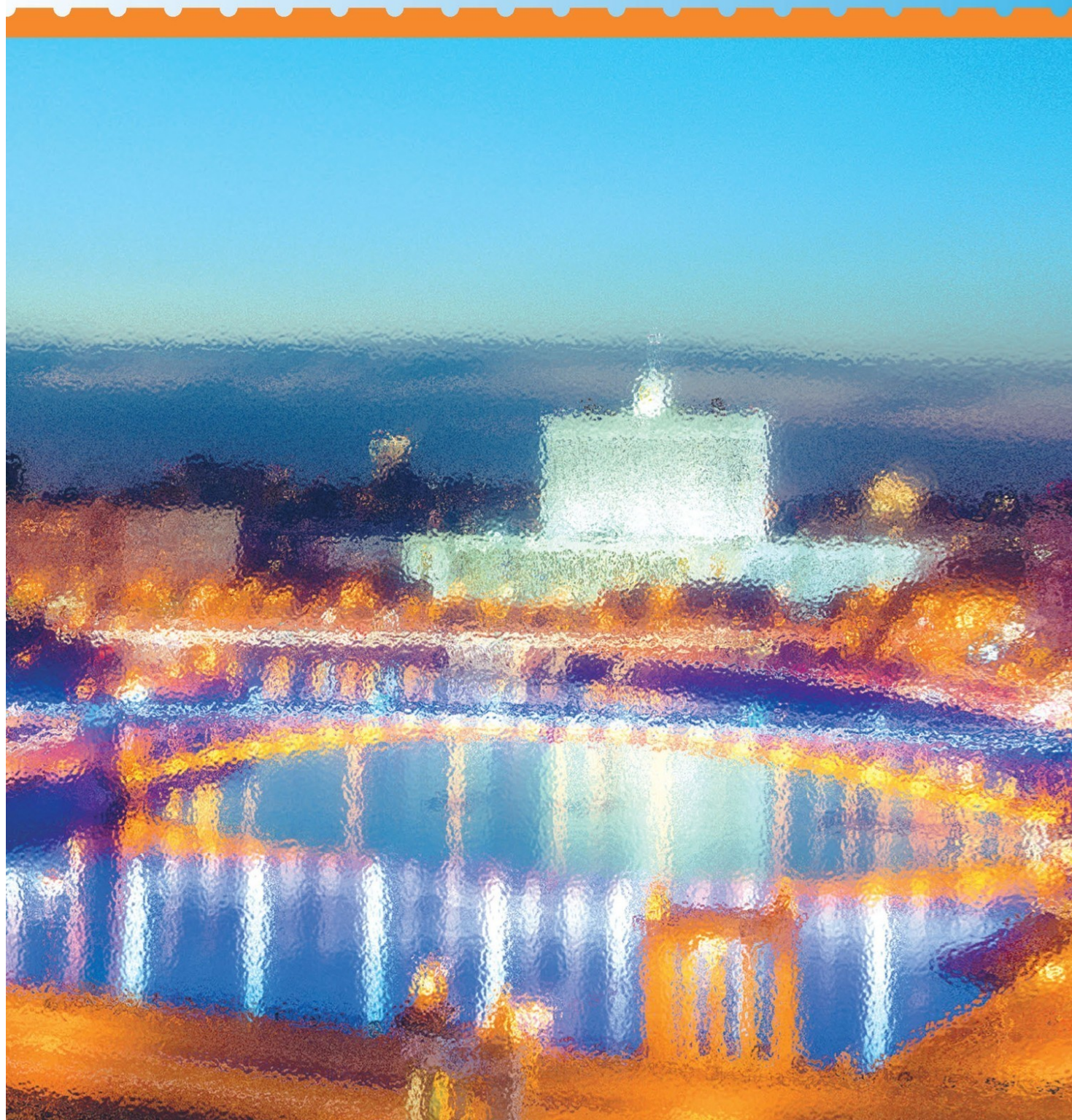

ВИКТОР ЕРЁМИЧЕВ

Лама

Виктор Ерёмичев

Лама

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Ерёмичев В. И.

Лама / В. И. Ерёмичев — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-590-1

Эта книга о прекрасных людях, умных и талантливых, пытающихся совершенствовать мир и себя в этом мире. Возможно, их мечты и поступки не оставят равнодушными чуткого читателя.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-590-1

© Ерёмичев В. И., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктор Иванович Ерёмичев

Лама

© Ерёмичев В. И., 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

Глава 1

В один из жарких июньских дней 1991 года в послеобеденной истоме вели два инженера неспешную беседу о бурной политической жизни великой державы. Вели они её много дней, месяцев и даже лет, изредка прерываясь на обед и сон, посещения родных и знакомых. Менялись события, менялось содержание беседы, но сама беседа оставалась непременно. Много за это время уткло слов и эмоций, много было вынесено приговоров и взлелеяно надежд, обсуждено программ и планов развития, тем не менее жизнь в державе ухудшалась, а вера в светлое будущее всё угасала, угасала и дошла в разгар знаменательной беседы до такой ничтожности, что один из инженеров отчаялся окончательно:

– А знаешь, Рюрик, давай плюнем на всю эту перестройку, съезды, митинги, программы, очереди. Представь, что некий добрый и всемогущий ангел узрел наше убогое житьё-бытьё, переполнился состраданием, повёл крылом и повелел исполнить любые три наших желания, как Золотая Рыбка из сказки. Что бы ты пожелал, дорогой?

– Миллион.

– Всего-навсего? Боюсь, что в наше смутное время надолго не хватит, придется просить ещё.

– Тогда десять миллионов.

– Можно и десять, можно больше. Но скучно. Нет у тебя никакой фантазии.

– Почему нет? Ты мне сначала дай миллион, на него я и пофантазирую. А так – только губами шлёпать.

– Эх, Юрий Валентинович! Я с тобой веду светскую беседу. Мы оттачиваем инструмент общения, осваиваем эстетику речи, искусство для искусства. Понимаешь? А ты – губами шлёпать.

– Подумаешь, эстет! Вон сосед пришёл, о него и поточи свой инструмент.

– Какой инструмент?

– Не бойся, Дмитрий Давыдович, пока не кинжал и не штык, а всего-навсего язык.

– Что значит «пока»?

– Сам понимаешь, перестройка, в капитализм возвращаемся. Скоро вас, коммунистов, ликвидируют как класс.

– Видали мы таких ликвидаторов. Еще нос не дорос. Рано ты в капитализм собрался.

– Не рано. Рыночные отношения, приватизация, чем тебе не капитализм?

– Конечно нет. У нас будут все виды собственности, социалистический рынок и социализм с человеческим лицом.

– А был с волчьим?

– Ты бы поостерёлся, не то язычок живо подрежут, и оттачивать станет нечего.

– Не подрежете, Димочка. Ваш паровоз уже ушёл, одна вонь осталась. И социалистический бред пора из головы выбросить.

– Напрасно. Социалистическая идея очень привлекательна. Правда, из-за враждебного окружения её не удалось воплотить в чистом виде. Слабаки отчаялись, потянули в обратную сторону, буржуи им бросились помогать – вот вам и перестройка. Но будущее всё равно за нами.

– Знаем, знаем, всё это мы уже слышали. Ты лучше помоги нам.

– Что, макет не заводится?

– Гори он синим пламенем, этот макет. Над нами добрый ангел крыло простёр. Исключительно для тебя, Дима, Золотая Рыбка выполняет любые три желания. Проси!

– Развлекаетесь. А меня работа ждёт.

– Работа не волк – в лес не убежит. А рыбка уплыть может. Упустишь сказочную возможность. Проси, Дима, пока не поздно, что хочешь, проси, всё исполнится.

– С вами не соскучишься. Ну ладно, так и быть, не упущу, закажу социализм во всём мире сразу. Никаких буржуев, никаких войн, все средства на жизнь людей, справедливое распределение. Ох и жизнь бы настала, всё бы у всех было!

– Уволь, Дима, уволь. О социалистическом мире мы уже говорили. Он оказался неэффективным, жестоким и агрессивным. Были в нём и тираны, и социалистические войны, и вторжения в независимые государства, а теперь пошли внутренние раздоры: братские страны взбунтовались, в наших республиках тоже стреляют.

– Так это же происки империализма.

– Ты неисправим. Но в любом случае твоё желание глупое.

– Почему?

– Рыбка не станет постоянно заботиться о твоём обществе, её волшебство одновременно. И твой дар окажется развратом, ведь общество неизбежно свихнётся в сторону. Даже Бог, создав человека, не смог уберечь его от соблазна и вынужден был бросить на произвол судьбы. Ты хочешь быть выше Бога?

– Не думал.

– Подумай. Ценнее, если человечество найдет хорошее выстраданное решение. Давай второе желание.

– Мне бы квартиру новую.

– Э-э, нет! На незаконные материальные ценности не замахивайся. Коммунисту нельзя – потом за всю жизнь не отмоешься.

– Жаль.

– Ничего, ещё шанс остался.

– А ну тебя. Пристал как банный лист. Юрий Валентинович, убери Гения!

– Зачем? Пусть с тобой поупражняется. Я никуда не денусь.

– Переключайся-ка, Гений Иванович, на Фаназорова. Вон он спрятался за стойкой.

В просторной лаборатории действительно находился ещё один молодой человек. Он сидел поодаль за своим рабочим столом, отгороженный от остальных стойкой электронного макета, сидел, облокотившись о стол, подперев голову ладонями, закрыв глаза, а в уши ему откуда-то изнутри шептал вкрадчивый ласкающий голос: «Ты – феномен природы, тебе уготовано высшее предназначение, дан могучий волевой субстрат, ты можешь обрести рай на земле, а живёшь как тварь вислоухая, ничего о себе не знаешь. Загадай любое желание и стукни себя легонько по лбу – всё и исполнится».

«Отчего мне чудится стародавняя небывальщина? – дивился молодой человек. – Ведь знаю, что врёт голос, но так ловко уши заговаривает, стервец, хоть на хлеб его намазывай да с чаем пей. Так велик соблазн волевым субстратом, аж хочется прыгать до потолка. Отчего бы и не прыгнуть, возьму и стукну себя по лбу. Ой-ой-ой! Зачем же головой в потолок? Больно же! Первый опыт и первый урок: даром природы нужно пользоваться осторожно. Но ведь сбылось! Неужели сбылось?! Проверим ещё. Приказываю не ударяться и всласть прыгаю, вопреки всем законам природы.

А теперь к лазурному морю, на белый песочек. Вокруг скалы, замок, пальмы, розы, родник журчит в розовом мраморе, шелестит ветерок. Голубая вода принимает меня в прохладные объятия и не отпускает, пока не натешится, пока не устану. Чистый песок облепляет усыпанное жемчужными каплями загорелое тело и, подсохнув, осыпается. Восхитительно! На увитой виноградом террасе приготовлен роскошный завтрак. Здесь и запотевшие напитки, и благоуханная рыба, и жаренная на огне баранина, и фрукты, и сладости. С наслаждением ем, восхищаюсь дивным вкусом и не верю: неужели это не сказка? Так не бывает. Но мясо просто тает во рту, и фонтан бесконечно журчит, журчит...

Отдохнув, вызываю субстратолет – серебристый волчок с круглыми окошками и внутренностями из кнопок и экранов. Я жажду знаний, страсть как хочу посмотреть на другие миры, на наше возможное будущее. Невесомость. Вилка парит рядом с апельсином. В черноте проплывают планеты, солнце. Хотите, погашу его? Ладно, ладно, я пошутил, я еще вернусь на вашу засиженную Землю. Звёзды-двойняшки, туманности и, наконец, первая цивилизация. Мои земляне ещё долго будут искать её, посылать корабли и кванты, сомневаться и снова искать. А я ею очарован. Есть здесь и поля, и леса, и море, и небо, и люди двуногие. Ничего, что все они лопухие и лупоглазые, зато добрые и весёлые, не чета нашим, угрюмым.

Но вперёд, вперёд! Через всю Вселенную, к её границам. Что там, за её искривленной поверхностью? Ничего особенного, несколько других вселенных. И наша Вселенная очень хорошо видна. Она вроде надуваемого воздушного шарика. Пылинки вещества мечутся внутри шарика и вместе с воздухом вырываются наружу сквозь маленькие дырочки в оболочке. Подлетишь к такой дырочке и сразу попадаешь в струю режущего вещества. Субстратолет гудит, дрожит, меня трясёт, болтает, руки едва удерживают штурвал»...

Раздаются голоса, команды: «Открой глаза! Проснись! Сколько можно тебя трясти...»

Он поводит плечами, нехотя открывает глаза, жмурится от света, постепенно осознает, что находится на работе.

– Что с тобой, ты болен? – вопрошает пришелец из соседней лаборатории.

– Нет, так, задумался.

– Опять новый фильм просматривал, – пояснил Скрипач. – У него как в кинотеатре, весь рабочий день сплошные сеансы. Сегодня на экране комедия «Пьянству – бой!». Расскажи, Фаназоров, кто кого?

– Эх, что вы понимаете. Сидите здесь каждый день да языки чешете. А у меня в воображении такая красивая, интересная, бурная жизнь! Сколько я всего перевидел, почувствовал. Космические путешествия, иные миры, вся история человечества, и прошлая, и будущая, – всё в моем воображении. Заставьте себя, придумайте что-нибудь. Это так увлекательно. Неужели вам совсем не хочется необыкновенного?

– Мало ли что нам хочется. Не соизволит ли Скрипач Гений стать турецким султаном? Только каждый сверчок знай свой шесток.

– А вы представьте, что всё можно, что всё можете, как в сказке. И мечтайте, и воображайте, и перед вами развернётся поразительная сказочная жизнь. Вы будете страдать, смеяться, побеждать, переживёте массу счастливых минут, приобретёте богатейший жизненный опыт. Ну что вы смеётесь?

– А мы как раз этим и занимаемся. Понимаешь, только что Скрипач поймал Золотую Рыбку, и она выполняет любые три наши желания. Вот и вообрази нам сказочное и необыкновенное.

– Мне ничего не надо.

– Хорошо. Твои намеки на инопланетные путешествия и машину времени тоже сгодятся.

– Нет, Дима, и это не подойдёт, – опять возразил Скрипач. – Зачем тебе смотреть на другую цивилизацию?

– Интересно.

– А зачем интересно?

– Что ты привязался? Если бы мы узнали, какие они, как живут, что умеют, мы бы непременно переняли у них что-нибудь полезное.

– Вот-вот, в этом и есть зло.

– Почему?

– Нельзя вмешиваться в равновесную систему: возможны непредсказуемые последствия. Ты вымотришь, применишь у себя, и выйдет великое зло. Мы не доросли до их шагов. Уж

лучше сами, потихоньку, с оглядкой, с ошибками, но не катастрофами. Может быть, они существуют, знают о нас, но специально не открываются: рано. Придёт время, и всё узнаем.

– А если *они* не доросли до нас?

– Всё равно вредно. Совратим их и уничтожим.

– Ну и скептик! Сознайся, полетел бы на Тау Кита?

– Конечно, но не выйдет. Чары Золотой Рыбки только на Земле существуют.

– С чего ты взял?

– А ни с чего. Никто ещё такого не придумывал, и в сказке тоже нет.

– И пусть нет.

– Правильное желание, – одобрил Юрий Валентинович. – А рыбка пусть потрудится и за пределами Земли, может, у неё знакомые есть в другой галактике. За неё думать не будем.

– Пусть так. Но машина времени тебе зачем? – не унимался Скрипач.

– Покатались бы, побеседовали с Лениным, Наполеоном, Тамерланом, побывали в Атлантиде, Гондване... Мы бы столько узнали!

– Ничего нового ты бы не узнал. Всё, что нам надо для жизни, известно, а если неизвестно, узнаем сами. И с великими людьми беседовать не нужно. Их мысли и дела известны. Мы легко можем догадаться, что они ответят на любой наш вопрос.

– В тебе бес сидит. Разве плохо посидеть с ними за чашечкой кофе?

– Неплохо.

– Болтун. А Фаназорова мы опять усыпили. Слышь, Филя, так придумал ты, что у рыбки попросить?

– Просите жизнь лет до двухсот или более, но без болезней и дряхлости, да силу необыкновенную, какой-нибудь волевой субстрат, чтобы хороших людей от нечисти всякой избавить, от жулья, хамья и прочего.

– Молодец! Но такая сила тоже может во зло обратиться, если зарвёшься, во вкус войдёшь, зазнаешься. Сколько божественных тиранов в истории человеческой зла натворили! Попробуй отличить, что добро, а что зло.

– Да, это так. Но согласитесь, очень заманчиво.

– Ещё бы! Вот так, Дмитрий Давыдович, схоластика получается.

– Не схоластика, а театр в рабочее время.

– Обижаешь.

– Я что! А руководству очень не нравится, что вы без пастуха. Селен уже приказ на Фаназорова заготовил, но тянет, надеется найти менее сонного.

– Знаем...

В дверь негромко постучалась и заглянула русоволосая девушка:

– К вам можно?

– Ламочка! Кассандра, наша прелесть! Ступи божественной ножкой на грешный паркет лаборатории. Трон богине! – распластался Скрипач.

– Спасибо. Я к вам, Дмитрий Давыдович, разговор есть. Выйти можете?

– Минуточку, Ламора Матвеевна, – не унимался Скрипач. – Спаси нас! Мы поймали Золотую Рыбку – меценатку, понимаешь? Но не можем придумать три достойные просьбы к ней. Умоляем, Ламора Матвеевна, пожелай что-нибудь.

– Меня, кажется, Бог ничем не обидел. А вам три желания ни к чему, обойдетесь одним: пожелайте исполнения всех ваших желаний, – сказала и исчезла вместе с Дмитрием Давыдовичем.

– Однако, – промолвил Скрипач. – Как она нас размазала.

– Барышня хорошая, красивая, – с удовольствием сказал Юрий Валентинович.

– Такая женщина – суций омут для тех, кто понимает. Раз встретишь – и пропал на всю жизнь, как Вертер. Только кто же теперь понимает?

– Под колись.
– Как видишь, не получается.
– Чует, что ты посмеёшься и бросишь.
– Ах, Рюрик!
– Трудно ей найти достойного мужа.
– Встретит какого-нибудь говоруна-вертопраха, внушит себе, что влюбилась, и будет с ним маяться всю жизнь.

– Ламора – умная девушка.
– Логикой женщину не убедить. Ее ум – раб льстивого слова. Соблазнитель этим успешно пользуются...

– Коллеги, неприятно слушать о Ламоре Матвеевне такой вульгар.
– Фаназоров прав. Устами младенца глаголет истина. Молчим, Юрий Валентинович. Пусть лучше он расскажет нам, какова будет его генеральная линия на должности руководителя лаборатории.

– Волнистая.
– Темнишь. Но рад бы был этому назначению?
– Ему надо. Козырь при защите диссертации.
– Постой, я его спрашиваю.
– Зачем тебе?
– Если его назначат, я уйду.
– Почему?
– Не хочу терять друга. А работа – везде работа.
– Перестаньте! Делите шкуру неубитого медведя. Предлагаю заняться делом.

Он раскрыл книгу, подпер голову ладонями, попытался читать, но смысла не понял, опустил мизинцы на веки и представил: «Я руководитель лаборатории. Выросла зарплата, приятно, почётно, престижно. Отвечаю за работу и двух инженеров, наказываю их за опоздания, прогулы и болтовню. Очень скоро мы из друзей превратимся во врагов. Нет, увольте. Уж лучше бы нашли другого...»

Отворилась дверь, и в лабораторию вошёл стройный подтянутый мужчина лет сорока, чуть выше среднего роста, темноволосый, загорелый, со строгим лицом и внимательным взглядом. За ним появился начальник отдела:

– Здравствуйте, гвардейцы!
– Здравствуйте, Селен Васильевич.

– Прошу знакомиться, Лавников Максим Андреевич – ваш новый руководитель, кандидат наук, – он представил каждого, мужчины обменялись рукопожатиями. – Для вас, Максим Андреевич, есть маленькая келья, так сказать, кабинет. Будьте как дома, а я всегда к вашим услугам. Желаю высокой производительности труда.

Он ушел, а в лаборатории воцарилась тревожная тишина. Лавников молча обошёл все углы, заглянул в келью – смежную с лабораторией комнатку с письменным столом, двумя стульями и шкафом, оставил там газету (вселился), нашёл прошлогодний отчёт и, сев за свободный стол в лаборатории, стал его лениво листать. Коллеги занимались своими делами, переглядывались, ждали расспросов, но их не было. Фаназоров попытался изучать книгу, но смысла опять не понял; в его душе упущенный шанс превращался в обиду. Зачем зря предлагать и обещать, если не доверяете? Я не навязывался и не горел желанием, но многие, как и я, уже смирились с предстоящим назначением и теперь будут разочарованы во мне – не доверили. Вильнула фортуна хвостом – и поминай как звали...

Лавников опять пошагал по лаборатории, оглядел несколько плат макета, понаблюдав, чем каждый занимается, и всё молчал. Юрий Валентинович Удобный не выдержал:

– Вы, Максим Андреевич, из какой организации к нам перевелись?

– Из секретной.

– А-а.

Тем разговор и кончился. Лавников снова пошевелил страницами отчёта и, глядя в окно, заскучал. Прimitивная работа, лишние хлопоты, новые сотрудники, которые, несомненно, поедут на его шею, необходимость скрываться – зачем это? Эка невидаль – работа? Согласился, уважил. Удивительно, чужие дыры собою затыкать. А жизнь так коротка, словно яркая вспышка света. Вот именно, ярко-красного света, как тогда.

И он понял, почему ему неуютно. Сквозь стеклянную стену виднелся торец строения с единственным нестандартным и хорошо знакомым окном. Взяв листок бумаги, Лавников зарисовал это окно, но так, словно сам он находился при этом внутри помещения, а затем красным фломастером изобразил громадную свисающую за окном сосульку. Он долго размышлял над рисунком, добавлял чёрточки, штрихи, чтобы сосулька вышла ярче, снова смотрел на окно, машинально шевелил страницами отчёта, незаметно свернул листок пополам и, опомнившись, набросал на нём расписание своего присутствия.

За пять минут до конца рабочего дня изрек:

– Мне ясна тема, состояние работы и трудности; хотелось бы услышать отчёт каждого исполнителя по своему разделу. Завтра с утра и заслушаем. И ещё. Я здесь на полставки, пока буду приходить по этому расписанию. Прошу старшим среди вас считать Фаназорова. Вопросы есть?

– С повышением оклада?

– Без повышения, Гений Иванович.

– А как же, ведь дополнительная нагрузка?

– Это организация работы внутри коллектива. Считайте, что я приступил к своим обязанностям.

– Ясно, приказ. А почему, интересно, вы выбрали Фаназорова, Селен посоветовал?

– По отчёту.

– Вы к нам на время или навсегда?

– Поживём – увидим, Юрий Валентинович. Но до конца темы придётся меня терпеть.

– Я не так, не то думал...

– Ну и славно. До завтра.

Дверь закрылась, и Скрипач выпалил:

– Вот тебе, Филенька, и Юрьев день. Поздравляю с повышением и званием халифа на час. Разделяй и властвуй.

– Что ты распетушился! Дело говори. Как он?

– Поживём – увидим, тебе уже сказали.

– А по-моему, мужик дельный. Ты, Филя, что молчишь? Расстроился?

– Что ты. Я думаю, как отчитываться будем.

– Думай, думай, командор.

Глава 2

Существенно продвинувшись за целый рабочий день в строительстве светлого будущего своей державы, сотрудники лаборатории покинули храм науки и техники и растворились в толпах унылых озабоченных людей огромного душного города.

Юрий Валентинович Удобный забрал сына из детского садика, ухватил по дороге пару пакетов молока и пришёл домой раньше жены ровно настолько, сколько оказалось достаточным, чтобы были вымыты четыре руки и один нос, а на кухонном столе появилась салатница, полная нарезанных помидоров с зелёным луком и подсолнечным маслом, и тарелка ломтиков черного хлеба.

– Ах вы, мои хорошие, – обрадовалась мама Люся, целуя своих мужчин в порядке старшинства. – А я колбаски купила. Вижу, очередь маленькая, всего на полчаса – я и встала.

– Я люблю колбаску, – на всякий случай напомнил Юрий-младший.

– Для колбаски в тарелке нет места, ещё помидоры не кончились.

– Они скоро кончатся.

– Кушай, кушай – вырастешь большим и умным. Рассказывай, что сегодня в садике делали?

– Гим стоя пели.

– Что такое гим? – не поняла мама.

– Не знаю.

– Может быть, гимн, – подсказал отец и напел мелодию. – Так?

– Так, – согласился сын, и все трое рассмеялись, каждый своему.

Мытье посуды, чтение книжки с картинками, ремонт сандалика, сидение перед телевизором, купание, стирка, глянц – и вечер кончился. Уже лёжа в постели, Юрий Валентинович вспомнил о завтрашнем неприготовленном докладе. «А, ладно, – отмахнулся он, – скажу что-нибудь». И обернулся к уставшей жене:

– Люсь, а у нас новый завлаб.

– Красивый?

– Не знаю. В костюме.

– Молодой?

– Да как тебе сказать.

– Старый?

– Нет, что ты.

– Умный, что ли?

– Кто ж его знает? Умный, неумный...

– Я-а-ркая личность, – заключила Люся, отвернувшись и сразу уснула.

А Юрий Валентинович некоторое время размышлял над тем, что новый завлаб определённо произвел на всех впечатление, но словами это впечатление никак не передавалось. С тем и уснул.

Фаназорову тоже было не до доклада. Войдя в подъезд своего дома, он открыл почтовый ящик и из оказавшейся там поздравительной открытки узнал, что у мамы сегодня день рождения. Он бросил открытку обратно в ящик и побежал в магазины в надежде купить что-нибудь. Ему повезло: через час он входил в квартиру с цветами, шоколадкой и банкой майонеза.

– И майонез купил! А я страдаю без него, – радовалась мама, хорошо помня, что майонез у неё запасён на три праздника.

Гости – тетка, её дочка с мужем и пятилетней девчушкой, бабушка – радостно приветствовали опоздавшего и возбужденно стали располагаться за накрытым уже столом. За столом

было шумно и весело. Много хороших слов было сказано о хозяйке дома и её кухне, много плохих – о правительстве, депутатах и президентах. После чая женщины унесли посуду и остатки еды на кухню и затеяли долгие разговоры о подругах, кофточках и детях, а мужчины продолжали спор о том, какой президент хуже, державный или республиканский. Но за весь вечер к единому мнению так и не пришли. Женщины пресекли спор, призвав всех пить кофе.

Вечер кончился. Гости уехали. Родители уgomонились. В темноте, закрыв глаза и укутав ухо легким одеялом, можно было наконец вспомнить или нафантазировать что-нибудь необыкновенно хорошее, ради чего только и стоило жить на свете. Только эти несколько минут перед засыпанием и были настоящей жизнью, жизнью для себя, а все остальные часы суток – лишь издержками, необходимой платой за эти сказочные минуты. Они счищали с души всю нанесённую за день грязную пену, обиды, раздражения, пустяки, примиряли с неизбежным и раскрывали новые невиданные горизонты. Что-то сегодня было очень важное, пытался вспомнить Фаназоров, но мысли его упорно вились вокруг президентов, родственников, неприличной сцены женщин в очереди за шоколадкой. Потом он вспомнил нового завлаба, неподготовленный завтрашний доклад, стал прикидывать план доклада, потом подумал, что было бы хорошо, чтобы к рассвету доклад приготовился сам собой или по шучьему велению, и вдруг выплыло это самое главное событие дня – волевой субстрат. Как же можно было забыть про него! Я феномен природы, я могу повелевать. Но откуда он взялся, как оказался у меня? Приснился? Нет, лучше так.

Забрёл я однажды на знакомую поляну, хотел напиться из родника, но, подойдя к нему, увидел кем-то оброненное серенькое удостоверение. Поднимаю его, читаю: «Обладателю сего документа дарован волевой субстрат, посредством которого он может материализовать продукты деятельности своего мозга». Внизу печать с черепом и костями посередине и призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» по окружности. Прекрасно! Документ – великая сила. Без документа у нас никто ничему не поверит. Но к делу. Проверим, как он работает. Только на чем? А хоть бы и на роднике! Поставим-ка за ним дугообразную мраморную стенку для защиты от северных ветров. Выкопаем канаву, заложим фундамент на цементе – о, получится! – на него поставим серые мраморные плиты, затем розовый мрамор с белыми пилонами, у стенки сделаем две прочные дубовые скамейки, между ними будет чаша с родниковой водой, за ней в нише стены встанет беломраморный Аполлон, над ним сверху пристроим классический фриз с двумя или четырьмя колоннами. По краям балюстрада, кустарники и статуи обоих президентов. На фоне луга, рощицы и синего неба мраморный ансамбль завораживает глаз – очаровательный приют скитальца. А вот он и сам – тихий небритый мужик с посохом в руке:

– Куда я попал? Тыщу лет здесь хожу, всё хожено-перехожено, а этого, – он показал посохом на ансамбль, – отродясь не видал. Чай, заблудился?

Что ему сказать? А мужик продолжает:

– Слышь, давно ль построили? Чудно!

– Что чудно?

– Знать, недавно. Ещё этому голому ничего не поотбивали. А ты, парень, знаешь что?

Давай по доске выломаем – и тю-тю.

– Что вы говорите!

– Я говорю, доски хороши. Одна мне, другая тебе, – и он пнул сапогом скамейку.

– Зачем?

– В хозяйстве пригодится.

– Вы в своем уме?

– Не мы, так другой ломает.

– Да откройте же глаза! – кричу ему. – Посмотрите, красота-то какая! Ведь люди старались, строили, чтобы все радовались. Неужели не замечаете? Как же можно ломать? Это же кощунство, варварство! Ведь так ничего хорошего на земле не останется.

– Да я что, – оправдывается мужик, подставив ладонь под вытекающую из чаши струю воды, – мне эта доска тоже не очень нужна. Я так, я только говорю, что до утра всё равно всё растащат, вот увидишь.

Какой кошмар! Нет, нет, разве можно им делать хорошее, один разврат получается. Пещеру им надо и ничего более. К чёрту всё! Всё ломаю. Сначала удаляю фриз, потом Аполлона, стенку... О, как быстро они растворяются, на удивление мужику. Снимаем балюстраду, одного президента, другого... А где же другой? Ах какой приткий! Сам соскочил с пьедестала, встал за него, как за трибуну, поправил очки, орлом посмотрел вперёд, сделал паузу и стал говорить с напором:

– Вы думаете, я не понимаю? Ха! Я знаю, народу нелегко, мне тоже. Но мы перестройку доведём до конца, иначе народ нас не поймёт. Не поймёт! Мы тут посоветовались в Политбюро, и я решил: будем вводить рыночные отношения. Да, будем вводить. Но в рамках социалистического выбора и под руководством Коммунистической партии. А те, которые только и ждут, которые, понимаешь, думают, что истина имеет тенденцию, тем я скажу прямо, что никто не имеет права на истину в последней инстанции. И пусть не рассчитывают – ничего у них не выйдет. Не позволим! – рубил президент ладонью по пьедесталу. А мужик, открыв рот, заворожённо слушал его. Зрелище ему явно доставляло удовольствие. Он даже подмигнул разок: мол, во дает, знай наших!

– А? Просишь слова? – продолжал президент сотрясать воздух. – Погоди. Садись. Я тебе дам. Я тебе дам! Садись, Андрей Дмитрия. (Мужик сел на камень и заулыбался, весьма довольный.) – Я требую особых полномочий. Для меня и для премьера. У нас с ним нет никаких разногласий. Мы за обновленный союз суверенных республик и за скорейшее подписание Союзного договора. И я скажу больше: процесс уже пошёл. Процесс пошёл, хотя, может быть, и не туда, – добавил он и вдруг запел мощным хором:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой...*

Тут Фаназоров и проснулся. Радио орало известную патриотическую песню – таким способом отец будил сына, в окно светило яркое утреннее солнце, пора было собираться на работу.

Не менее увлекательно провёл вечер и третий строитель светлого будущего. Домой его не тянуло. Он вышел из метро и побрёл по тенистому бульвару, поглядывая на облупленные скамейки. Но прогулка его через минуту и закончилась, так как он поймал заинтересованный взгляд одиноко сидящей миловидной девушки.

– Не возражаете? – сказал он, садясь возле неё.

Она гордо промолчала и вертела в пальчиках незажженную сигарету. Предложить ей огонька или лучше подождать, пока сама попросит, едва успел он прикинуть, как она спросила:

– У вас спичек не найдётся?

– Найдётся, – сказал он, достал коробок и чиркнул спичкой. – Прошу.

– Спасибо. А вы?

– С вашего позволения, – он закурил тоже и заметил. – Последний экзамен сдавали, математику?

– Как вы догадались? – удивилась она.

– На тетрадке написано, – кивнул он на мягкую сумочку с вылезшей из неё тетради. – Сколько получили?

– Четверку, – сказала она, оправляя сумочку.

– Супруг будет доволен, – сразу приступил он к делу, поглядывая на её обручальное колечко. – Приготовит ужин с шампанским.

– Не угадали, ужина не будет.

– Четверка его не устраивает? Строгий супруг!

– Вовсе и не строгий. Просто его нет дома.

– Нет дома? В такой торжественный момент? Быть того не может!

– Может. Он уехал в другой город, на конференцию.

– Очень сочувствую. Надеюсь, ненадолго?

– Послезавтра приезжает.

С ней всё ясно, подумал Скрипач, остался один пустячок: к ней ехать или ко мне? Если к ней, то нужно успеть в магазин за бутылкой, если ко мне, то не нужно, дома всё есть. Оказалось, к ней, так как муж будет звонить вечером, проверять, наивно полагая, что если жена дома, то уж непременно пишет ему письма и штопает носки.

Опасаясь наблюдательных соседей, она заблаговременно указала свой дом, подъезд, этаж, номер квартиры, предупредила, что дверь оставит приоткрытой и, отделившись от него, невинно застучала каблучками по тротуару...

На работу Скрипач едва успел и о докладе вспомнил только в лаборатории. Все были уже в сборе.

– Кто первый? – предложил Лавников. Первого не оказалось. – Тогда начнём с края. Прошу, Юрий Валентинович.

Удобный, водя карандашом по висящей на стене схеме, рассказал о работе блока питания и генераторов частоты. Поинтересовавшись, не будет ли вопросов к докладчику – вопросов не было, – Лавников сказал:

– Почти всё, что вы нам сообщили, Юрий Валентинович, нам известно из учебника физики за девятый класс. Вы бы лучше обосновали выбор этих схем, а не иных, поведали о своих находках, о модернизации в случае внедрения установки.

– А я ничего не выбирал, я пришёл сюда, когда блок уже работал.

– Тогда что же вы с тех пор делали?

– Ремонтировал, блок часто ломался.

– Полтора года?

Удобный пожал плечами и стушевался, так как сказать было действительно нечего. Остальным было легче, поскольку их блоки были сложнее и интереснее. Но и они не понимали, насколько их работа современна и сделана ли она наилучшим образом.

– Ну что ж, подведём итоги, – сказал Лавников. – Во-первых, сами выступления, мне кажется, могли бы быть подготовлены и скоординированы более ответственно. Во-вторых, мы делаем большой хлипкий шкаф, неизвестно кому и неизвестно зачем.

– У нас договор, – возразил Скрипач.

– Верно. И деньги по нему мы получим, независимо от того, как будет работать эта стойка. Потому что эти вещи определяются не работой, а отношениями между начальниками. Но это будет в последний раз, уверяю вас. Грядут рыночные отношения, конкуренция. Что вы будете делать потом?

– Что-нибудь придумаем.

– Думать нужно сейчас. К конкуренции вы не готовы. Вы собрали макет из старья. Ни одна организация его у себя не поставит. Используя современные интегральные схемы, вы могли бы сделать его в десятки раз меньше и гораздо надёжнее. Кто возьмёт на работу специ-

алиста с опытом десятилетней давности? Я не хочу знать, почему так получилось, и говорю всё это не в обиду вам, а для того, чтобы найти с вами наилучший выход в данной ситуации. У нас всего два варианта. В первом я помогаю вам довести ваше дело, уж коль скоро я в него ввязался, до конца. После чего мы становимся друг другу ненужными. В другом – с сегодняшнего дня начинаем готовить себя к будущей жизни, начинаем делать из себя специалистов высокого класса. За рекордно короткий срок мы сделаем наш прибор заново на новых принципах и на новой элементной базе, заодно научимся работать. Я готов прочесть вам несколько лекций и помочь добыть эти новые элементы. Прибор будет рассчитан на конкретную насущную потребность и при небольших изменениях может быть применён в других сферах. Его будет легко приспособливать под нужды разных пользователей и иметь выгодные сделки. Ведь в наших руках будут принципы декодирования и формирования любых сигналов, изображения. Кроме построения сегодняшних банальных фраз мы будем формировать графические и музыкальные тексты, художественные изображения, результаты мозговой деятельности, наконец, космические сигналы превращать в изображения. Может быть, только так мы подберём к ним ключик. Здесь море дел на любой вкус: в науке, инженерии, предпринимательстве. Любому будет дело на всю жизнь. Выбирайте. Больше всего я бы не хотел никого заставлять. Помогать – да, заставлять – не хочу. Вопросы есть?

В лаборатории воцарилась напряженная тишина. Возможно, первый вариант им кажется уже унижительным, второй – слишком смелым и нереальным, подумал он и заключил:

– Хорошо. Я вернусь минут через двадцать. Надеюсь, что после перерыва наша беседа будет более серьёзной, чем до него.

Он вышел, а оставшиеся дали волю эмоциям:

– Ничего себе!

– Хорош гусь! Работай на него в три смены.

– Конечно. Почти всё готово – и переделывать.

– Можем не браться, воля наша.

– Воля-то наша. А нос он нам утёр, как соплякам.

– Ну и правильно. Мы и есть сопляки. Ты доклад готовил?

– Нет. А ты?

– Я тоже не готовил. И он это понял. Хотя прямо не сказал.

– За кого же он нас принимает?

– За дармоедов.

– Ну, это ты брось.

– А я плевать на него хотел. Подумаешь, умник нашёлся. Мы сами с усами.

– По-моему, именно в этом он и хотел бы убедиться.

– А ты, Фаназоров, пожалуй, прав. Что будем делать?..

С возвращением Лавникова споры разом стихли, что не осталось без его внимания:

– Я вижу, накопились вопросы?

– Да, – сказал Удобный. – Сколько часов в сутки нам придется работать?

– Я вас призываю работать не дольше, а лучше, эффективнее. Придётся дорожить каждой минутой.

– И мы сможем к сроку сделать новый прибор?

– Конечно.

– Вы не шутите? Ведь нет ни схем, ни деталей, ничего. Допустим, мы согласимся и не сделаем. Что тогда? Мы только исполнители, с нас взятки гладки. Отвечать придётся вам.

– Вы совершенно правы, Гений Иванович. Если отвечать буду только я, то действительно не сделаем. Будем болеть за дело мы, мы – все и каждый, – справимся. Кроме того, у меня

в запасе есть и третий вариант. Эту тему я могу передать в другое место, где известные мне люди сделают всё вдвое быстрее.

Молодые люди переглянулись:

– Тогда мы остаемся без дела?

– Разумеется. Как же иначе, вступаем в рынок. Но, по-моему, нелогично перспективное направление отдавать другим. Чем мы хуже?

– Дело, кажется, начинает принимать серьёзный оборот, – неожиданно вслух промолвил Фаназоров.

– Предлагаю это замечание считать началом наших взаимоотношений. Я сейчас взял в библиотеке для вас несколько книг. Полистайте их до вечера, а завтра утром вы мне предлагаете черновой вариант нового прибора либо принимаетесь за доводку старого. Желаю успеха, – он выложил из портфеля книги и вышел, а они стали рассматривать диковинные слова на обложках и переговариваться:

– Вот это темпы!

– А ты как думал.

– Скрутит нас в бараний рог.

– Ничего, не сломаешься.

– А может быть, так и надо.

– За такую зарплату?

– Кончайте трепаться. Час читаем, потом каждый расскажет, что усвоил. Идёт?

– Слушаюсь, командор.

Занялись книгами. Фаназоров полистал страницы вперёд, потом назад, посмотрел в оглавление, выбрал наиболее интересную главу, попробовал читать, но быстро соскучился. Он отодвинул книгу, поставил локти на стол, подпер голову ладонями, опустил мизинцы на глаза и сразу увидел готовым будущий прибор. Он оказался небольшим, красивым и совершенным, о нём знает весь мир. Лаборатория завалена иностранными письмами: все хотят его купить, предлагают помощь, зовут работать на любых условиях. Мы получаем Нобелевские премии, но не радуемся, ведь прибор ещё не умеет расшифровывать сигналы из других миров. Наконец, и этот барьер преодолен. Маленький, со спичечный коробок, приборчик лежит у меня в кармане, а я шагаю себе по лесу и понимаю песни птиц и язык животных. И вот на пути встречаются лупоглазые пришельцы из иных миров. Станные: один тощий, длинный, другой, наоборот, поменьше, но толстенький, оба в блестящих комбинезонах, серебристом и зеленоватом. Увидели меня, остановились, разговаривают по-своему. А приборчик мне всё переводит:

– Смотри-ка, не бойся, – говорит долгоязыый.

– Он в шоке. Сейчас очнётся и убежит без оглядки, – отвечает другой.

– А ты не пугай. Мы же не станем убивать его. Покатаем, параметры замерим и отпустим.

– Как бы с ним объясниться?

Понял я, бояться нечего, да и крикнул им с помощью приборчика на чистейшем инопланетянском языке:

– Чао бой ни в зуб ногой! – что в переводе на наш человеческий язык означает: «Привет, ребята! Никак заблудились?»

Они глаза вылупили ещё больше, уши подняли, смотрят друг на друга, не понимают, откуда родная речь. А я опять кричу:

– Гоп до кучи, ёж колючий! – мол, идите поближе, не бойтесь, мы гостей не едим. Поняли, подходят и говорят на человеческом языке с типичным космическим акцентом:

– Ты кричал?

– Я, – говорю. – Не напугал?

– Удивляемся, – отвечают. – Откуда ты наш язык знаешь? Ведь ваша цивилизация пока нас даже обнаружить не умеет.

– Почему не умеет? Решили, что мы щи лаптем хлебаем. А мы и ложкой можем. Видишь, приборчик придумали на интегральных схемах, любые коды расшифровывает. Махнёмся?

– Что-что? Не понимаем.

– Обменяемся, – говорю. – Я вам даю мой прибор, вы мне – свой.

– Такой прибор на ваших интегральных схемах построить нельзя.

– Вам нельзя, а нам можно. Вы же свой прибор тоже как-то построили.

– Наш прибор достаточно прост, но для тебя пока недоступен. Вами ещё не открыты многие важные свойства природы. Как же ты всё-таки нас понимаешь?

– Через него, – подбросил я перед их носами приборчик и поймал, словно монетку.

– На каком принципе он работает?

– На волевом субстрате.

– Как-как?

– А так. Я говорю ему: переводи, он и переводит. Вот и всё.

– Шуры-муры куры дуры, – говорит негромко пухленький длинному. А приборчик мне переводит: «Видно, их цивилизация не так проста, как нам кажется».

– Ум на разум семь на восемь, – успокаиваю их. – Дескать, приезжайте почаще – привыкнете. У нас, русских, хобби такое – мир удивлять. Но вы, кажется, хотели покатать меня?

– О, Русский любит быструю езду! – обрадовались они, схватили меня за руки и потащили к инолёту, спрятанному за кустами. Мы бесшумно взлетаем и срываемся куда-то с такой скоростью, что лес, земля, небо – всё сливается в одну сплошную серую массу. Не успеваю привыкнуть к новым впечатлениям, как оказываемся в ином мире. Вылезаю, вернее, выплываю, из инолёта и сразу сжимаюсь от ужаса: со всех сторон несутся на меня какие-то шары, цилиндры, трубы, ленты. Но, поравнявшись со мной, они огибают меня или обволакивают, не причинив никакого вреда. От вытянутых рук некоторые отталкиваются, словно воздушные шарики, деформируя соседние предметы и протискиваясь между ними. Я догадываюсь, что все эти ужасные серые, пегие, сизые, зеленоватые, розовые предметы устроены из дыма или воздуха, без запаха, то с чёткими, то с расплывчатыми податливыми границами. Даже вокруг меня образовалось нечто сизое, туманное, колеблющееся. Озираюсь вопросительно на инолёт, на своих новых знакомых, но вместо них нахожу лишь расплывчатые туманные очертания. Всё превратилось в дым. Заманили, обманули и растаяли, сволочи. А как же я? Как я отсюда выбираться буду?..

– Ты, командор, понимаешь что-нибудь? – доносится справа.

– Ничего не понимаю.

– Я тоже. Что делать будем?

– Будем выбираться.

– Что-что? Откуда выбираться? Опять уснул!

– Ой, и правда! Ты меня, Ген, толкай почаще.

– Хорош гусь. Час прошёл, обсуждать пора, а он дрыхнет, наглец.

– Виноват. Давай через полчаса.

– Ладно. Но ещё уснешь – в бок получишь, уж не серчай потом.

Постепенно втянулись. Поняли, что некоторыми микросхемами можно заменить несколько плат в их старомодной стойке. Стали появляться кое-какие предложения. И хотя никакого варианта конструкции нового прибора пока не получилось, сама идея построения его в сжатые сроки перестала казаться неосуществимой. Они почувствовали себя готовыми завтра обсуждать условия новой игры.

А путешествие в странный зыбкий иной мир Фаназоров продолжил дома, улегшись в постель и накрыв ухо одеялом. Ох уж эти пришельцы! Всегда-то от них одни неприятности. Сидеть бы кулику в своём болоте, ан нет, в иные миры захотелось. Как теперь выбираться отсюда, черти полосатые...

– Мы, Русский, не черти, – раздается знакомый голос с космическим акцентом. – Черти совсем другие. Мы посланцы полевого разума. Можешь называть нас пол еры.

– Зачем же вы в эти самые полеры превратились?

– Мы не превратились, мы такие и были.

– Тогда с кем я разговаривал в лесу?

– С нами, – говорил, как обычно, долговязый. Пухленький всё больше кивал.

– Но там были люди или существа, похожие на людей.

– Тебе так пригрезилось. Мы воздействовали своим полем на поле твоего мозга, вызывая видения человекообразных существ.

– Кто же меня хватал за руки холодными пальцами?

– Увы, это было опять наваждение.

– Ладно, с вами всё ясно, то есть ничего не ясно. Пусть. Когда-нибудь до вас доберёмся и разберёмся, где здесь правда, где надувательство. Но где мы находимся? Земли нет, неба нет, какие-то безобразия в воздухе нагромождены, баллоны, бочки, балки, клочки.

– В нашем мире.

– Верните меня домой, слышите!

– Экий ты нелюбознательный. Мечтал об иных мирах, а попал – и сразу в панику. Огля-дись хотя бы. Назад мы тебя вернуть успеем.

– Не врётё?

– Мы за тебя головой отвечаем перед Тучей разума.

– Хорошо отвечать головой, когда её нет.

– Не язви. Мы применяем лексику твоего языка. Для тебя стараемся.

– В самом деле, как же вы говорите? Без головы, рта. И как я вас слышу?

– Ты нас не слышишь. Просто твоё поле – видишь, оно как облако, дышит вокруг тебя – связано с нашим полем. Оно принимает информацию от нашего поля, а мозг твой создает впечатление восприятия ушами. Только и всего. Мы все существуем в виде поля. Наш мир населяют только поля. И летают вокруг тебя не бочки, баллоны и клочки, как тебе кажется, а поля – энергетические, информационные, разумные. Полевой мир.

– А стою я на чём?

– На поле.

– Но так можно и провалиться?

– Провалиться нельзя. Нет такого понятия. Можно улететь, прилететь, перелететь, облететь, влететь, вылететь, взлететь, слететь, подлететь. Это наши будни.

– А сгинуть?

– Что-что? Не понимаем.

– Ну, исчезнуть, говорю.

– Это можно. Поля легко исчезают. Это проявление свободы воли.

– Ая?

– О тебе мы заботимся. Хотя и мы во власти Тучи разума.

– Ваша Туча – узурпатор.

– Туча есть более высокая ступень проявления разума.

– Не нравится мне ваш мир.

– Отчего же?

– Диктатура, жрать нечего, удовольствий никаких.

– У нас иные взгляды. Нет никакой диктатуры, есть простой закон – целое всегда состоит из частей. Это нужно понять один раз и навсегда успокоиться. Питаемся мы от энергетических полей, плавающих розовых баллонов, как ты говоришь, общаемся друг с другом через голубоватые информационные поля, развлекаемся игрой разума.

– Чепуха всё это. Цветных полей не бывает.

– Они, возможно, и не цветные. Цветными ты их видишь тоже не глазами, а мозгом и под воздействием соответствующих полей. Кстати, полями мы всё это называем только для тебя. На самом деле это нечто иное, тебе пока незнакомое.

– Получается первобытный идеализм. В моём мозгу некий другой разум может формировать материальные объекты. Сознание первично, материя вторична. Я материалист, думаю по-другому.

– Думай. Ты думаешь, играешь разумом и создаешь себе то или иное устройство мира: хочешь – идеалистическое, хочешь – материалистическое. Другого у вас не бывает. Но в любом случае оно тобой придумано. А мир существует сам по себе. Он включает тебя как частицу и вовсе не станет меняться в угоду представления о нем какой-то частицы. Частиц великое множество – на всех не угодишь.

– Ничего себе. Значит, некто более высокий по разуму, Бог или даже чертёнок какой-нибудь, может меня держать на поводке, под гипнозом и не позволит мне познать мир далее установленного им предела. Или даже, ради смеха, может пустить меня по ложному антинаучному пути. И я стану лишь придумывать мир, искренне веря, что познаю его?

– Вполне возможно. Однако ты сам мир. Не замахивайся до времени на то, что выше тебя, что предназначено не для тебя. Цыплёнок в яйце не может понять, что за скорлупой, пока не вылупится, пока не перейдёт в иное состояние, в иной мир.

– Зубы заговаривать вы большие мастера. А не хотите ли задачку?

– Изволь.

– Валяется на дороге кирпич. Идут мимо люди, и все видят только кирпич, но отнюдь не шляпу, например. То есть сначала есть кирпич, а потом образ этого кирпича – у всех одно и то же. Что вы на это скажете?

– Массовый гипноз. Все видят то, что навесно одними и теми же полями, а не кирпичом, которого на самом деле, может быть, и нет.

– Пусть так. Нет кирпича, ничего нет. Тогда я разбегаюсь и бац по нему, то есть по тому, что только видимость кирпича, пустое поле, голой ногой. Вы не знаете, что будет?

– Будет взаимодействие полей.

– Крик будет превеликий! Кровь. Потому что ноге больно. Эх, ничего вы не понимаете. И хотите, чтобы я умилялся вашими сказочками. Ну нет! Не на того напали.

– Да мы вовсе не настаиваем. Считай, как тебе нравится.

– А я так и делаю. И нашу цветущую жизнь на вашу мутную никогда не променяю. Кстати, как вам показалась земная цивилизация?

– Будем исходить из твоей посылки: пусть ваша цивилизация такова, какой она тебе представляется, пусть так она задумана экспериментатором. Так для тебя понятнее. И что же? В таком виде она обречена. Она слишком расточительна и вся истрачивается на заботу о брэнном теле людей: на еду, жилище, сон, медицину, общежитие. Вы плодитесь со страшной скоростью, поедаете всё, что съедобно и несъедобно. Уже из нефти делаете еду, скоро будете есть землю. Всё поедаете, загрязняете свою планету и злитесь друг на друга. Вам тесно, у вас нет будущего, ваша реальность – самоуничтожение. Вы лелеете мечту об освоении космического пространства, хотите заселить его и тоже загадить. Бесцеремонно шлёте сигналы, корабли: радуйтесь, галактияне, мы идём! А нужны ли вы там, куда идёте? А спросили ли вы разрешения? Почему вы решили, что иные миры будут без ума от вашего вторжения, от ваших ракет с мерзким горючим, от вашего образа жизни? Или они не в состоянии узнать о вас всё, что им хочется?

Ваше поведение – поведение назойливой мухи, которую хочется прихлопнуть. И прихлопнут, если вы не поймёте простой вещи: для вхождения в инмировую цивилизацию нужно положить на ее алтарь нечто обогащающее её опыт. Что вы можете предложить? Примитивные знания, бестолковое общежитие? Конечно, любопытно ваше искусство. И всё. Остановите своё бесконтрольное воспроизводство, уничтожьте оружие, научитесь жить в мире и согласии с природой, радоваться жизни. Никуда не спешите – ни в микро-, ни в макромир, не надрывайтесь, не тратьте громадные средства на удовольствия фанатиков-учёных – всему своё время. Обуздайте свои амбиции, не вырывайте кусок изо рта другого. Берегите планету – вашу святыню. Она – источник и смысл вашего существования. Создайте Храм Планеты и, отходя ко сну, кайтесь в прегрешениях перед ней и обещайте что-то для неё сделать. Докажите экспериментатору, даровавшему вам жизнь, что в его пробирке выросла не вредоносная бактерия, не ядовитое вещество, а что вы способны к самоорганизации и непорочному развитию, что ваш путь – один из перспективных путей развития жизни во Вселенной. Это и будет вашим начальным вкладом в инмировую культуру. Тогда и предлагайте себя, но не раньше.

– Согласия у нас никогда не будет. Интересы бандита и монаха, человека и комара противоположны.

– Тогда у вас ничего не будет. Иные миры за вами наблюдают и ждут лишь момента, когда вас лучше прихлопнуть, когда дойдёте до недопустимой степени омерзения.

– Страшный суд, значит, вполне реален?

– Обычное дело. Неудачный эксперимент. Его надо закончить, реактивы вылить в раковину и начать всё сначала.

– Опять мы приходим к Богу.

– На Бога надейся, а сам не плошай. Так, кажется, у вас говорят уже тысячу лет.

– Что мы можем поделаться. Борьба за существование вызывает раздоры, молодое отрицает старое. Слабое и старое отмирает, сильное и молодое идёт дальше – в этом суть развития. Не будет развития, сами передохнем. В конце концов, передохнуть или быть прихлопнутым – не всё ль равно. Последнее, может быть, даже веселее.

– Однако не всех прихлопывают...

Тут заволокло нас желтоватое потрескивающее облако, поглотило моих заботливых полеров вместе с их бредовой философией, поле мое изогнулось, словно деревце под ветром, связь прекратилась, сделалось как-то особенно легко и радостно, тело наполнилось блаженством, вознеслось, и я медленно поплыл задом наперёд, сидя на хвосте рыжего облака. Плыву и замечаю внизу в редких просветах полей родные земные холмы, леса, деревни. Миражи, навеянные неверными полями, галлюцинации, сон? Неважно. Я вижу милые сердцу пейзажи. Сейчас я спущусь к ним пониже. Проплываю между верхушками деревьев и не верю своим глазам: по слегка отуманенной утренней поляне, сбивая босыми ногами росу, спокойно выступает обнажённая девушка с распущенными золотыми кудрями. Ева в раю, в царстве нетронутой природы, в мягком опаловом свете нарождающегося дня – удивительно целомудренная картина, не опошленная ни единым признаком цивилизации: ни электрическим столбом, ни трактором, ни одеждой. Ева, богиня, сомнамбула – кто она, куда путь держит? Спускаемся ещё ниже, обгоняем её, едва не задев плеча, вглядываемся в лицо – Лама! Что делать? Куда провалиться? Но нет, она ничего не замечает. Смотрит, чуть улыбается невинной природе, своему счастью, забыв про ветку берёзы в опущенных руках, не ощущая холодной росы, и совершенно ничего не видит, будто находится в ином со мной измерении.

Лама идёт ко мне, но негодное облако неумолимо несётся вперёд, сколько ни бей по нему кулаком. Спрыгнуть, пока не поздно, пока не поднялись слишком высоко, пока мягкая травка внизу. Но куда я так долго лечу – в овраг, пропасть, на камни? Кто сказал, что нельзя провалиться, что нет такого понятия? Чёрт бы побрал ваши дурацкие поля! Проваливаюсь,

проваливаюсь – и просыпаюсь. Ах, какой сон! Только бы не забыть. Лама, как живая. В легком тумане, в утре, в весне милую Ламу встретил во сне. Складно получается, само собой. Чудеса! Попробую ещё.

*В свете опала,
В блеске красы
Шла, утопала
В жемчуг росы.*

*Нежно спадали
Кудри на стан.
Тайны скрывали
Свет да туман.*

*В призрачном утре
Шло воплощение
И целомудрия,
И обольщения.*

А дальше? Дальше ничего не выходит, ни словечка. А что, если встать на этой поляне на пути Ламы, расставить руки? Она всё равно ничего не видит, так прямёхонько и попадёт в объятия. А потом? Очнётся, узнает, закричит? Или, коснувшись меня, она исчезнет, а я останусь с пустыми объятиями на сырой поляне?..

Ему придумывались и другие продолжения, но начавшееся наглое карканье ворон напомнило о том, что скоро рассвет, что надо уснуть. Он вышел на балкон, охладился, потом свернулся калачиком в постели и быстро уснул.

Но, конечно, не выспался. Весь вечер и часть ночи он рисовал принципиальную схему своей части макета, потом философствовал с посланцами полевого разума, летал на рыжем облаке над обнажённой Ламой, даже сочинял стихи. Бурная была ночь. Утром нестерпимо хотелось спать. На работу он пришёл вовремя, но позже своих приятелей. Он молча вытащил из портфеля большую, аккуратно нарисованную схему, приклеил её к стене, сел за стол, положил голову на руки и сразу уснул.

– Так нечестно, – осудил Скрипач. – Так не договаривались.

Он полез в свой заграничный чемоданчик, тоже достал большую кое-как нарисованную схему и повесил на стену рядом с фаназоровой. Удобный ничего не сказал, он вынул из потёртой сумки тетрадь, развернул в том месте, где вчера делал наброски, и обиженно уткнулся в неё. В этот самый драматический момент и появился Лавников. В четырех устремлённых на него глазах он с удовольствием прочитал нетерпение. Четвёртый раз он входил в эту лабораторию. Первый раз он увидел в этих глазах равнодушие, во второй – испуг, потом – агрессию и только сейчас наконец то, что нужно, – интерес, нетерпение, потребность рассказать и расспросить.

– Что с ним? – спросил Лавников негромко, указав на лежащего сотрудника.

– Уснул, – ответил Скрипач. – Сейчас я его растолкаю.

– Не надо, – остановил его Лавников, уже подойдя к развешенным на стене схемам. – Пусть поспит, на то, может быть, есть причины.

Скрипач и Удобный переглянулись. А Лавников уже тыкал авторучкой в схему Скрипача, приговаривая:

– Хорошо, хорошо, никуда не годится, ошибка, должно быть так, можно ещё лучше...

Автор, затаив дыхание, жадно глядел из-за плеча.

– А у меня вопросы, – робко произнес Удобный.

Лавников заглянул в его тетрадь, сделал кое-какие пометки, объяснил, похвалил и удалился в свою келью. Скрипач и Удобный посоветовались, разбудили Фаназорова, с трудом втолковали ему, где тот находится, и отправили извиняться.

– Разбудили? – спросил Лавников.

– Разбудили.

– Лично я люблю спать в постели, а работать за столом. Но это дело вкуса. А схема хорошая. Подумайте над синхронизацией и ещё раз просчитайте такты, кажется, есть нестыковки в преобразователе. Попозже я посмотрю.

Но позже произошло маленькое, но важное событие...

Глава 3

Здесь необходимо остановиться и сделать некоторые пояснения. Дело в том, что держава, в которой выпало счастье проживать нашим героям, была на редкость удивительной. По территории далеко превосходила все высокоразвитые страны, вместе взятые, и даже иные материки, имела в избытке все виды полезных ископаемых, плодородные земли и рыбные моря. Но на этих богатейших просторах народ бедствовал, несмотря на титанические усилия своих мудрых руководителей, правивших «от имени народа и во имя народа». Причиной бедствий были многочисленные враги, вступившие в мёртвую схватку с народом и особенно – с избранным им курсом на всеобщее братство, равенство и счастье. Однако народу-герою повезло: его мудрые правители вовремя раскусили врага и прозорливо указали на то, что самыми опасными являются внутренние враги, особенно тайные и потенциальные, поскольку никто не знает, что у них на уме. На уме, несомненно, коварный замысел, неясно только, когда и как он проявится. И чтобы он не проявился, врагов нужно упредить, обнаружить и уничтожить. Но как обнаружить скрытого врага среди многомиллионного народа, на лбу ведь у него ничего не написано? Задача неразрешимая для обычного человека, но не для мудреца. Там, где обычный человек видит тупик, мудрец создает «всесильное учение». Идея мудрых правителей была неожиданной, простой и неотразимой: если уничтожить население своей державы систематически и внушительными партиями, то внутренний враг рано или поздно окажется в одной из партий и будет уничтожен. Вы не согласны? Ах, опасаетесь, что враг может оказаться в последней партии? Какие мы догадливые, после того как узнали о десятках миллионах уничтоженных! А мудрец тем и отличается от нас, простых грешников, что всё видит и знает наперёд и никогда не ошибается: враг будет уничтожен! Остальное – дело техники: оградить крепким забором державу, сыграть гимн – и за работу. Народ, воспитанный на мудром учении и получающий скудный подконтрольный паёк, исправно уничтожит сам себя. И если слегка прикармливать ударников, а нерадивых и строптивых, наоборот, постёгивать, то полная и окончательная победа над всеми врагами – а заодно и над народом, как заметит догадливый читатель, – не заставит себя долго ждать.

Как и следовало ожидать, очень скоро народ огромной державы оказался до такой степени запуганным своими правителями, что не только потерял вкус к необходимому разумному труду, но и одичал и впал в прострацию, жизнь начал воспринимать как кошмарный сон, а смерть – как избавление: «отмучился», привычно говорили об умершем.

Правители же великой державы, напротив, были весьма довольны своей жизнью и на пышных банкетах любили рассказывать друг другу весёлые истории. «Собрали как-то наш народ, – говорил один невозможно важный правитель другому недосыгаемо высокому правителю, отрезая от полутораметрового осетра добрый кусок под пшеничную водочку, – и объявили, для хохмы, конечно: завтра с утра начнём всех вас вешать, не опаздывайте. Смотрим, что станут делать. Народ заколыхался, пороптал тихонько и вытолкнул вперед старика. Оробел старик, мнёт шапку в руках, докладывает: “Народ сумлеваются: верёвку с собой приносить, али выдавать будут?”»

Но народ живуч, а время мудрее любых мудрецов. Скушав за несколько десятилетий всех осетров, растратив все богатства великой державы, не добив коварных врагов, мудрые правители нежданно-негаданно оказались в престранной ситуации. Они вдруг заметили, что живут как-то сами по себе, а народ живёт сам по себе, вполне обходясь одним простым принципом: вы делаете вид, что платите нам зарплату, мы делаем вид, что работаем. К тому же наделённый вполне запланированным братством, равенством и счастьем народ стал хиреть и вымирать. Тогда правителей вновь осенила мудрая мысль: если народ без правителей вполне может обойтись, то правителям без народа может стать неуютно. Их жизнь лишается герои-

ческого нимба: «жить и трудиться на благо народа». И правители опять нашли мудрое решение: поставить заботу о благе народа на строгую научную основу. Отныне почётное право работать на сельских полях, базах, токах и фермах предоставлялось только учёным, инженерам, артистам и студентам. Крестьяне же выступали в роли консультантов и командиров. Выращенные таким образом учёная картошка и учёная морковка должны были поднять благосостояние народа на недостижимую никем высоту. И подняли бы, если бы сам одичавший народ не испортил всё дело, разворовывая и пропивая всё на свете. Но это уже совсем другая тема.

Итак, зимой и летом, весной и осенью все научные и учебные заведения державы были озабочены подготовкой бригад для сельскохозяйственных работ, их отъездом и приездом, размещением и питанием, отчётами и награждениями, дразгами. Организация столь ответственного стратегического направления лежала на партийных инстанциях, а залог его успеха держался, конечно, на страхе, внушаемом этими инстанциями.

Теперь, надеюсь, становится понятным, почему Лаева должна была подготовить к определённому сроку список сотрудников отдела для предстоящей «битвы за урожай». Она старалась придать категоричным партийным разнарядам более мягкий облик, не угнетающий слабую психику индивидуумов, не желавших менять городской уют на непролазную грязь деревенских дорог и полей, на работу под дождём и ледяным ветром, на проживание в палатках и сараях. Находя доброе слово для каждого сослуживца, Лаева довольно быстро управилась с заданием. Долго пришлось разговаривать лишь со Скрипачом, но и он согласился. В конце их беседы незаметно появился Лавников. Прислушавшись к происходящему разговору, он обратился к Лаевой:

– Простите, мадам...

– Мадемуазель, – поправила она.

– Очень мило. Я – руководитель данной лаборатории. Прошу вас на два слова, – он указал на дверь своей комнатенки. – Как вас величать?

Они представились друг другу, после чего Лавников сказал:

– Так вот. Как руководитель руководителя, убедительно прошу вас, уважаемая Ламора Матвеевна, никогда не отвлекать моих подчиненных во время рабочего дня.

– У меня важное общественное дело. По-вашему, лучше решать его в обеденный перерыв?

– Ни в коем случае! Надеюсь, вам известно, что обеденный перерыв дан для обеда и отдыха, а никак не для общественной работы.

– Так когда же?

– А это уж, простите, ваша забота.

– У нас нет «вашего» и «нашего», у нас есть общее, государственное.

– Об этом, если хотите, побеседуем после восемнадцати часов. А сейчас, уважаемая Ламора Матвеевна, я тоже на работе. Вы понимаете?

– Прекрасно понимаю! – она вышла и гордо простучала каблучками по замершей лаборатории. Коридор был пустой, поэтому слёзы сразу брызнули из её глаз. Она отказывалась верить самой себе. Выставить вон! Как нашкодившего котёнка. Её – любимицу всего института, партийного секретаря отдела! «Я старалась объясниться с каждым лично, чтобы в списке не оказалось обиженных, чтобы на пользу всем. Как будто я для себя делаю. И ведь прав, ничего не скажешь. С первых шагов хочет себя показать, карьерист, педант, солдафон. Кому нужна твоя террористическая правда? Подчинённые разбегутся, друзья не найдутся. Наживёшь врагов и возненавидишь весь мир. Выгнать нежную хрупкую девушку! Чудовище! Кентавр толстокожий!...»

Несколько успокоившись, Лаева отпечатала список будущих бойцов за урожай и отправилась к начальнику отдела.

– Никто не возражает? – спросил Селен Васильевич.

– Со всеми согласовано.

– Чистая работа.

Но неожиданно он вычеркнул одну фамилию и вернул список:

– Придётся подработать, – уверенной рукой был вычеркнут Скрипач. На недоумённый взгляд Лаевой начальник отдела ответил:

– Его руководитель не согласится.

– А если уже согласился? – в запальчивости сказала она, на миг вспомнив кентавра и ужаснувшись грозящей неизбежной встрече с ним, если Селен Васильевич передумает. Но он лишь внимательно посмотрел на неё и задумчиво сказал:

– Нет, Ламорушка, не обманывай себя, не взваливай на свои прелестные плечики непосильный, да и ненужный груз. Здесь даже твои чары не помогут.

Она покраснела и разозлилась:

– Уже нажаловался.

– Нет, об этих делах мы не говорили.

– Откуда же вы всё знаете?

– Какая ты счастливая, наивная! А мне уже шесть десятков. Должно же быть у меня хоть что-нибудь взамен такого несчастья.

– Объясните, пожалуйста, откуда такой кентавр появился в нашем отделе и что он такое?

– Кентавр! Ах, счастливцев! Не прошло и недели, а уже назван роскошным именем из уст самой очаровательной дамы. Уж не влюбилась ли ты?

– В это чудовище? Селен Васильевич, мне нужно знать для дела, а вы шутите.

– Но я тебе ничего не могу сказать.

– Вы же его брали на работу.

– Брал.

– Кота в мешке?

– Нет.

– И секретарю отдела знать не полагается?

– Видишь ли, Ламора Матвеевна, ваше ведомство решает, как ему кажется, быть или не быть у нас такой-то науке. Но воз науки тянут кентавры, а отвечаю за неё я, поэтому и вожжи должны быть в моих руках. У меня могут быть и свои хитрости, и приёмы, и сомнения, и риск, и свобода действий. Иначе я превращусь в вола, кентавр – в обыкновенную лошадь, а наука – в возхлама.

– Вы деликатнее со мной, чем этот новенький, но суть одна: не суй носа не в своё дело.

– Вовсе нет, просто не требуй от меня того, что я либо не могу, либо не должен делать.

У тебя ведь тоже есть свои секреты.

– Уйду я от вас.

– Слышу голос женщины, но не вождя.

– У меня же другая специальность. Вашей науки я не знаю, значит, работаю не на своём месте. Поэтому всякий может дать мне по носу.

– Положим, я не всякий.

– Простите. Но с людьми действительно бывает очень трудно.

– Если бы не было трудностей, то и партийный секретарь был бы не нужен.

– Спасибо за урок, Селен Васильевич. Я пойду.

– Будь, как всегда, умницей, Ламорушка, и заходи почаще. И помни, что одна-то вожжа в твоих руках и дёргать их как попало нам никак нельзя.

Весь день Лаеву занимала стычка с Лавниковым. «Я оскорблена, – полагала она, – и не должна его замечать, но я парторг – рано или поздно нам придётся общаться по службе. Как себя вести? Ах как спокойно было без него, а сейчас на работу идти не хочется».

Однажды в коридоре она неожиданно увидела идущего навстречу Лавникова и почему-то испугалась. Убежать, обнаружить свои чувства не хотелось. Как быть? Как отвечать на его приветствия, извинения? Совсем не готова. Она инстинктивно остановилась и заинтересованно стала копаться в папке. Лавников же равнодушно прошёл мимо неё. Разочарованная, она смотрела ему вслед. Как же так? Не заметил, прошёл, как мимо столба. Зачем тогда мои волнения? Я совсем еще девчонка. Впервые знакомый мужчина меня не заметил. Всегда они улыбаются и непременно говорят что-нибудь. А этот ещё и невежлив. Ну как же не кентавр! Впрочем, это даже к лучшему: имея такое алиби, я могу демонстративно его игнорировать.

Обсудив с Лаевой все неотложные дела, начальник отдела вдруг спросил:

– Твой кентавр не обратился уже в прекрасного принца?

– Почему мой?

– Ну как же, как же.

– Ему это не угрожает. Он даже здороваться ещё не научился.

– Скажите на милость, какой дикий мустанг! А я был уверен, что ты уже его объезжаешь.

– Что? Я?

– А кому же ещё, если ты, Ламорушка, у нас самый главный дрессировщик. Видишь, я уже за тебя цитирую материалы партийного съезда.

– Селен Васильевич, вы так легко дело превращаете в шутку, а шутку в дело, что я всегда оказываюсь глупой школьницей, обведённой вокруг пальца.

– Ах, кто бы меня обвёл! Разбудил бы, встряхнул! А помочь мы ему обязаны, Ламорушка. Он взялся за невозможное – сделать за полгода то, что два года тянулось и всё без толку. И тебя он поэтому не замечает, просто забыл, что знаком, точнее, не запоминал. Я, конечно, понимаю, что принцессе странно слышать такие речи. Но жизнь моя не прошла бы даром, будь я хоть чуточку кентавром. Ишь, стихи вышли.

– Я опять не понимаю, к чему вы клоните.

– Ни к чему, просто завидую. Хотя что есть истина?

– Он большой учёный, да?

– Кто знает. Разберись.

– Вы не можете, а я – разберись. Странно мне от вас, Селен Васильевич, слышать такое. Что-то не то говорите.

– Может быть, может быть. Но самое главное я сказал. Что ж, по коням!

– По кентаврам.

– Да, каждому своё. Ах, как улыбка красит даже красивую даму!

– Опять вы шутите. До свиданья.

– Будь умницей.

«Ах так!» – решила Лаева и побежала в библиотеку. Там она нашла труды Лавникова, по ним – названия издательств, по издательствам прикинула возможное учреждение, села за телефон, и вскоре таинственный герой проявился преподавателем одного из вузов. Остальное можно было легко узнать на его кафедре. Вскоре у Лавникова случился забавный разговор с секретаршей кафедры Галиной Сергеевной.

– Максим Андреевич, нашла вас аспирантка?

– У меня нет аспиранток.

– То есть она ещё только поступать хочет, вас искала.

– Искала, так найдет. Только я никого не планирую брать.

– Её возьмёте. Она сплошное очарование.

– Мы принимаем не за очарование.

– Какая она умница, вы бы только видели. И как обаятельна в общении и мила. А глазищи синие-синие, ласковые. А фигура! Вы знаете, я не люблю женщин, а в неё влюбилась с первого взгляда. Я бы сказала «богиня», если бы в Бога верила. Шеф увидел, поздоровался, а потом спрашивал: «Что за девушка?»

– Пусть шеф и принимает.

– Нет, она только к вам хочет. Книги ваши читала, о вас расспрашивала, боится вас очень.

– Правильно сделали, что напугали.

– Я сказала, что вы – наша гордость и мой идеал и что она сделала блестящий выбор.

– Галина Сергеевна, вы путаете Божий дар с яичницей. Постороннему человеку чепухи наговорили.

– Моя чепуха в сто раз правильнее ваших планов. Такой девушке невозможно отказать, вы и сами поймёте. Я ей и телефончики ваши всунула. Вы уж её не обижайте.

– Да не нужны мне аспиранты.

– Так для меня возьмите.

– И вы будете её консультировать.

– Консультировать будете вы, а она – для меня. Ну что вам стоит!

– Ну, если вам так надо...

– Надо! И всем вам надо. Потому что так мало хороших людей на свете, и красоты, и нежности мало.

– Да с чего вы взяли, что она хорошая, а не притворщица какая-нибудь? Откуда она, как зовут?

– Не знаю. Но не принимайте меня за дурочку. Я знаю, что говорю.

Однако девушка больше не появлялась. Оробела, решила Галина Сергеевна и всё сокрушалась по поводу того, что не догадалась взять её телефон. Не раз потом она вспоминала необычную гостью:

– Какие у неё волосы! Золотистые, сияющие, волнами, волнами рассыпаются на плечи. А кожа нежная, прозрачная. И родинка около правого уха, как у овчарки. А речь её, знаете какая? Завораживающая. Журчит – и вы таете. И походка как у нимфы на картине Боттичелли, невесомая, порхающая.

Заметив как-то родинку около правого уха Ламоры Матвеевны, Лавников подумал: «Как у овчарки» – и сразу вспомнил восторги Галины Сергеевны. Ему вдруг показалось, что существует явная связь между таинственной аспиранткой и Ламорой Матвеевной. Чем больше он об этом думал, тем крепче становилась эта связь, хотя понимал, что не могла Ламора Матвеевна проситься в аспирантки и проявлять к нему повышенного интереса. Однажды он спросил, не была ли она в Кибернетическом институте. Она оживилась, но ответила неопределенно:

– Не помню. Может быть, и была. Я во многих местах бываю. А почему вы об этом спросили?

– Кажется, я вас там видел.

– Нет, видеть вы меня не могли, – категорично возразила она.

– Почему вы так уверены?

Она как будто растерялась, и он заметил это, но нашлась:

– Потому что вы, как вежливый человек, непременно уделили бы мне чуточку внимания. Да я бы и сама вас высмотрела.

На другой день Лавников молча показал Галине Сергеевне вырванную из стенгазеты фотографию работников отдела с участием Лаевой.

– Где вы её нашли? – обрадовалась она.

– Расскажите мне подробнее, о чём вы говорили, – перебил её Лавников и с интересом выслушал всё, что не хотел слушать раньше. А потом при случае спросил Лаеву:

– Вы часто говорите неправду?

– Не поняла.

– Зачем вам понадобился маскарад на моей кафедре?

– Я непременно должна отвечать?

– Мне ваш визит может очень дорого стоить.

– Он был в ваших интересах и интересах темы и, по-моему, успешным. Если я ошибаюсь, то готова исправиться, если сумею. Говорите как.

– Нет, всё в порядке. Но могло быть плохо.

– Вы меня всегда недооцениваете.

– Извините. Но остается какая-то тайна, она меня беспокоит.

– Забудьте. Визит и его форма были вынужденными, с целью предотвратить беду. Собирались ехать ваши инженеры. Я случайно узнала и взяла всё на себя. Теперь там никто не узнает о вашей новой несанкционированной работе. Не понимаю, как вы об этом узнали.

– Вы не понимаете. А меня секретарша извела. Требуется принять вас в аспирантуру. Влюбилась, видите ли, с первого взгляда, родинка около вашего уха понравилась. Что я с этой чепухой делать буду?

Лаева весело рассмеялась.

– Смеётесь. А неплохо было бы объясниться с ней.

– Зачем? Вы её идеал, кумир, гордость и многое другое. Сами управитесь.

В этом Лавников уловил оттенок женственного кокетства и поспешил распрощаться:

– Спасибо за службу.

– Родина оценит.

– Ни больше, ни меньше?

– Угу, – и она упорхнула своей боттичеллевской походкой. Он же подумал: «Странная девушка, наивная, зачем-то печётся о других, красивая, легко располагающая к себе. Но об этом мне думать ни к чему».

Лаева, со своей стороны, нашла его также странным: формалист, ни разу не улыбнулся, не сказал доброго слова. «И как он меня вычислил? Всё было продумано и выверено, нет никаких улик, нигде он меня не видел, нигде я не представлялась. Кумир, идеал! Как можно бросаться такими словами! Не дурак, конечно. Но ведь машина бездушная, милиционер в стакане. Я, правда, мало его знаю, и с какой стати ему со мной любезничать. Галине Сергеевне, возможно, он кажется не таким. Но всё равно не спрячешься: так замкнуться, отгородиться от людей, лишить себя их тепла, превратиться в льдышку – зачем?»

Оберегала же она Лавникова от грозивших ему неприятностей, конечно, не без помощи начальника отдела, любившего посещения своей помощницы и воспринимавшего их как дуновение освежающего ветерка, как эликсир жизни.

– Присаживайся, Ламорушка.

– Я вот с чем пришла к вам, Селен Васильевич. Если будут спрашивать, работает ли у нас Лавников, говорите «нет».

– Он серьёзно смотрел на неё открытым изучающим и размышляющим взглядом. А у неё, как обычно в таких случаях, вертелось в голове одно и то же: «Возражений не будет, шуток тоже. Пусть даже не отвечает. Я же вижу: сейчас я поднялась ещё на одну ступеньку к его уровню. Возможно, будет комплимент». Она подождала ещё немного и сказала:

– Ну, я пошла.

– Надеюсь, ты не осчастливишь подобной просьбой женщин бухгалтерии или канцелярии?

Она усмехнулась, словно отрезала: «Жалок педагог, уличающий своих учеников в глупости». Он вздохнул: «Служба».

Но, оказавшись в коридоре, Ламора Матвеевна хлопнула себя по лбу и понеслась в бухгалтерию. Конечно, глупая, корила она себя, до сих пор не догадаться проверить документы, а не сочинять версии. Она перерыла расчётные ведомости сотрудников отдела и, не найдя то, что не хотела найти, заспешила в канцелярию изучать приказы за последние месяцы, а потом снова к начальнику отдела.

– Селен Васильевич, надеюсь, вы догадались, что я просила вас говорить только правду?

– Стар и недогадлив! Ай-ай-ай! Ну и начальник. Одно утешение: вдруг ещё кто-нибудь не догадается.

– И другие догадаются.

– Значит, совсем пропал человек. Но верить ли даме?

– Я проверила: они просто, кроме правды, ничего не знают, в отличие от нас да ещё нескольких человек.

– Разве не одного? – он смотрел насторожённо. – Ещё трое беспокойны. У них знакомый оказался на засекреченной территории. Я его нейтрализовала, да ведь чужая душа потёмки.

– А как ты думаешь, Ламорушка, справится Соловей-разбойник с тремя богатырями или нет?

– Ну, если при поддержке дамы...

– Отлично! Ламорушка, я, признаюсь, что-то утаил от тебя?

– Что вы, вам показалось.

– Мне отмщение, и аз воздам? Ах ты плутовка!

– Ну, если хотите, только один вопросик. Как у нас с овсом: хорош ли, достаточно?

– Какой кошмар! С кем я работаю! Какое невежество! Не знать азбучных истин. И кому! Воспитателю, вождю и учителю всех народов отдела! Сейчас и поквитаемся. Милая первоклашка, доверяю тебе великую тайну всех цивилизаций: каков наездник, таков и овёс. Ибо, накинув лассо, вместе с правом приобретаешь святую обязанность заботиться о пленённом. А ты спрашиваешь меня! Детский сад, а не научное учреждение.

Ламора Матвеевна смеялась.

– А лассо-то кидали вы, Селен Васильевич, – сказала она и вышла из кабинета.

Вступив на поле битвы с богатырями, Соловей-разбойник опешил: все три богатыря стояли на голове, упираясь руками в пол и ногами в стену.

– Почёт ударникам социалистического труда! – сказал он.

– Здрасте, – кое-как промычали они и продолжали свой моцион.

Потоптавшись между ними и обойдя стойку макета, он предложил:

– Вам не кажется, что на ногах стоять сподручнее?

– Нет, – отвечали они, переворачиваясь на ноги.

– Разве что перед старшим, – добавил Скрипач.

– Рад, что вежливость вам не чужда, что не воспринимаете меня в качестве пугала. Но служба обязывает меня к любопытству.

– А мы, Селен Васильевич, не нарушаем. Нам рекомендовано пять минут в час делать разминку. Из графика не выходим, и эффект потрясающий – Удобный даже курить бросил.

– Не понимаю, какая тут связь.

– Как же, дым не из тех мест вылезает.

– А ты не бросил?

– Нет, у меня мышцы крепче.

– Врёт он. Шлюх своих боится растерять: они же все курят, – отомстил Удобный.

- Подруги, Юрий Валентинович. Экий ты грубиян!
- Весело живёте, – заметил начальник отдела, – но несовершенно: головой по грязному полу, ботинками по стене. Фу!
- Эх, нам бы мат сюда, Селен Васильевич.
- Очень может быть. Но это не мой стиль. Так вот что, новаторы. Мне давно в кабинет ковёр навязывают, а я маловато знаю о вашей работе. Как бы не промазать.
- Вы шутите. Неужели ковёр дадите? А как же вы?
- Ковёр должен быть там, где он нужнее. Давайте-ка это и выясним. Приглашаю к себе.
- Нет, Селен Васильевич, не сейчас. Если позволите, после восемнадцати.
- Почему так?
- Мы на службе. А это дело наполовину частное.
- Чудеса! Начальник вызывает, а ему условия ставят.
- Согласитесь, Селен Васильевич, так лучше.
- Что ж, будь по-вашему.
- «Яйца курицу учат, – удивлялся он. – То и дело эта молодёжь преподносит сюрпризы». Не забыл он о полученном уроке и к концу рабочего дня:
- Располагайтесь, новаторы, поудобнее. А где же третий?
- Сына из садика забирает.
- Ну ладно. Признаюсь, вы меня удивили. Со всеми совещаетесь после работы или только со мной?
- Со всеми.
- Это опять рекомендация или сами додумались?
- Придумал, конечно, завлаб и отшил всех праздношатающихся. А через пару дней мы признали его правду и теперь сами с усами.
- И меня, значит, отшили?
- Не цепляйтесь, Селен Васильевич, вы же нас понимаете. Дело принципа: правила либо выполняют, либо только треплются.
- Отрадно. И грустно, что не мной придумано. Извне о ваших делах я кое-что знаю, а изнутри – почти ничего. Вскоре нам предстоит решать судьбу вашей лаборатории: ликвидировать её или, наоборот, укрепить, как быть со штатом, менять ли завлаба. Ваши взаимоотношения и интересы нам безразличны. И я надеюсь, мы не унизимся до фискальства и лицемерия. Мне нужна помощь коллег. Устраивает вас такой уровень диалога?
- Да.
- Отлично! Хотелось бы услышать, в каком состоянии макет, как идёт работа, закончится ли в срок. Кто начнет?
- Фаназоров, он у нас командор.
- Разве вам Максим Андреевич не докладывал?
- Делаем всё возможное, говорит, и всё.
- Значит, мы ничего добавить не сможем.
- Засекречено, что ли?
- Нет, просто некорректно, – добавил Скрипач.
- Прекрасно! Но вы сами-то верите в успех?
- Верим.
- На чём же основана ваша вера?
- На нём.
- Может быть, помощь требуется?
- Да вы не беспокойтесь, Селен Васильевич, он вам сам всё скажет. Вы ведь и так всё для нас делаете в первую очередь, мы же видим. А людьми не поможешь: их же обучать нужно, то есть отвлекаться.

- Молчите, партизаны. Похвально. Но кто мою веру укрепит?
- Вы верьте.
- Легко сказать. Вы хоть не сбежите с работы раньше времени?
- Мы – нет, про Лавникова не знаем.
- А что, может?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.